

ПРОЗВИЩА

/прозвища на примере полка радиотехнической разведки ГСВГ/

Что такое прозвище? Как оно появляется? Почему у одних есть прозвища, а у других нет? Это не простые вопросы и ответы на эти вопросы также не просты. Возможно, наши фамилии были когда-то в глубине веков прозвищами иногда возвышающими, а иногда и унижающими, обидными, но скорее всего, точно определяющими суть и качества человека, к которому они «приклеились».

Вспоминается письмо от моего друга, где он рассказывает про Дунаевского (старшего офицера нашего полка, затем командира) и, говорит о том, что на прошлом месте службы Дунаевского называли «Дуня». А в нашем полку его звали «Композитор» - если не уточнять детали вряд ли кто-то со стороны поймет, что речь идет об одном и том же человеке. И если провести небольшое исследование, то можно подметить интересную деталь появления различных прозвищ в разных группах людей. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что прозвище «Композитор» (явно из-за однофамильца советского композитора Дунаевского) данное Валерию Дунаевскому в нашем полку, говорит о более высоком интеллектуальном уровне личного состава. В нашем полку вряд ли бы появилось такое прозвище – «Дуня». Конечно, были прозвища, основанные на изменении имени или фамилии – т.е. самое простое прозвищеобразование, если можно так выразиться.

Но чаще прозвище давалось по характеру человека, его качествам, внешним признакам и т.п. Например, начальник штаба Гусев – ведь его не звали «Гусь», а звали «Деревянный», имея в виду его холодный, деревянный взгляд и отсутствие эмоций. Или еще более яркий пример – майор Чернышев, которого все звали «Одеколон» - довольно сложное (в смысле формирования) прозвище, данное ему из-за его пристрастия к алкоголю. Вряд ли Чернышев пил одеколон в Германии, но видимо все-таки был не всегда разборчив и употреблял, например, дешевый «Корн», который продавался в мелкой посуде и поэтому ассоциировался с одеколоном! Или из-за чисто внешних признаков майора Алексеева прозвали «Бегемотик», а длинные усы прапорщика из пятой роты дали ему прозвище «Таракан».

Интересная деталь – ведь прозвища давали не всем. Наверное, чтобы к человеку приклеилось прозвище, должны быть какие-то особые факторы. Ничем не примечательный человек (не обязательно серый, не заметный или недалекий, а просто не имеющий каких-то ярких заметных черт) скорее всего получал (если получал, конечно) прозвище – производное от фамилии, например, наш замполит Семененко – «Сэм». А были и варианты двойных прозвищ, например, командира взвода «учебки» Евгения Колосовского звали и «Джеймс» и «Колос» - здесь и имя (Женя на английский манер – Джеймс) и фамилия оказались задействованы в образовании прозвищ. Командира взвода первой роты Романча звали «Анечка»

за его маленький рост и детское хрупкое сложение и одновременно «Саранча» (опять производное от фамилии) за довольно грубое отношение к солдатам. Веселого и разбитного лейтенанта Фомина прозвали «Фомкой» (производное от фамилии), а добродушного и хорошего во всех отношениях лейтенанта Глушко звали «Гриней» (производное от его имени Григорий). Окончания имели большое значение – они придавали добродушный, не серьезный характер прозвищу, отражая истинный характер лейтенанта Фомина. Не просто «Фома», а именно «Фомка».

Интересно, что лейтенант Кадаш, который обладал и яркой внешностью и оригинальным характером, мало того носил очки и был несколько подслеповат не имел никакого прозвища. И как я говорил ранее, часто прозвище появившееся, например, в роте или взводе могло не иметь хождения далее этих подразделений! И наоборот, люди масштаба командира полка или нач.штаба или другие, соприкасающиеся с различными группами имели общеизвестные прозвища! Совсем не было прозвищ связанных с национальностью. Никогда командира учебной роты Эпельмана не звали «Евреем», а многочисленных офицеров и прапорщиков армян никогда не прозывали «Армяшками» или «Черными» и т.п. То есть, интернационализм реально работал в нашем социуме.

Менее интересно прозвище командира полка Косолапова. Его звали просто «Папа». Это видимо общее для воинских подразделений определение своего командира (командира самого главного, командира всей части). В этом кроется желание видеть в командире «отца родного», заботливого, который и строг и справедлив. Причем личные качества реального командира мало влияли на формирование его прозвища, ведь «Папу» (или «Батю», как в других воинских частях) не выбирают. Было, правда, и исключение из правила, когда прозвище «Папа» приклеилось к старшине четвертой роты прапорщику Голову, потому что он пользовался большим авторитетом в полку, но чтобы не было путаницы с другим, абсолютным «Папой», Голова звали «Папа Голов».

Были прозвища и у солдат срочной службы, но их происхождение было не таким разнообразным и интересным. Чаще всего это были производные от фамилии солдата. Например, сержанта Рыжкова звали «Рык», сержанта Ломего – «Лом», сержанта Богданова – «Бодя», рядового Криванчика – «Кривой», сержанта Тарасенко – «Тарас», рядового Любимого – «Люба», рядового Гастева – «Гастон», сержанта Кирпикова – «Кирпич», сержанта Матвеевко звали «Матвей» и т.д. Хорошее прозвище было у сержанта Разумняк – «Разум». Рядовой Величко имел замечательное прозвище «Великий», которое было дано не просто так, было во взгляде Величко что-то основательное, серьезное, хотя в реальной жизни его серьезность никак не подтверждалась. То есть в данном случае прозвище выдавало желаемое за действительное. А вот еще пример прозвища сформированного от фамилии и «поменявшего» пол носителя, не буквально, конечно, а только в прозвище. Рядового Стешенко звали «Стеша». Таких прозвищ было немного: «Люба», «Анечка», «Стеша».

Но прозвища давались не всем или, скажем так, не ко всем они приклеивались намертво. Например, меня иногда пытались называть «Масел» (производное от фамилии Маслов), но это прозвище не прижилось, как и в случае с сержантом Малашиным, которого безуспешно пытались называть «Малан» - прозвище так же не приживалось. Я думаю, дело в яркости и оригинальности прозвища, которое как броский ярлык должно освещать своего носителя. Яркий пример это прозвище сержанта Левшица – «Левый» - великолепно отражало характер этого хитроватого парня из Белоруссии. Или прозвище для солдата-электрика «Фаза» - отражало его работу и своеобразный характер. А другой электрик Костя Кисель прозвища не имел, хотя был не менее ярким и оригинальным. Итак, прозвище приживалось только в случае точного попадания в цель, когда оно кратко и броско определяло характер, форму занятости, особые, яркие черточки в поведении носителя.

И все-таки появление прозвища носило случайный характер! Вот хороший пример случайности. Харизматичный, яркий, единственный в полку узбек Исраил Артиков с внешностью комика Фернанделя не имел никакого прозвища. Вместе с тем иногда прозвище как бы издевалось над тем, кто его носил. И дано было это прозвище намерено с этой целью, хотя его формирование было явным, от фамилии. Например, рядового Зорина звали «ЗОР», имея в виду должность «Заместитель по оперативной разведке», на которую «соискатель» явно не тянул и в этом была издевка, хотя формирование прозвища от фамилии явно прослеживается. Просто так удачно совпало. Вот аналогичный пример: рядового Стаса Власова звали «Стас Осназ». В этом случае задействованы и имя и фамилия. Еще пример прозвищ: рядового Вильшонкова называли «Вилли», а у сержанта Варнавского было два прозвища – «Варнава» и «Вампир», причем второе прозвище появилось после того, как Варнавский потерял один из передних зубов.

Вот несколько замечательных примеров появления необычных прозвищ. Сержанта Чеботок звали «Хоботок», причем его так звали не в его подразделении, а в других ротах, чем это вызвано не вполне поддается объяснению. А сержанта Савушкина звали «Местный» исключительно из-за его армейской должности – он служил местным пеленгатором. Бойцы из других подразделений не знали его истинного имени до самого увольнения и всегда звали его только «Местный». Это, возможно, один из немногих примеров, когда прозвище вытеснило настоящее имя носителя. Чаще прозвище звучит, так сказать, «за глаза». Еще пример образования прозвища от служебных обязанностей носителя это прозвище прапорщика финансовой части полка – «Пфенишка» (пфенниг – самая мелкая немецкая монета). Еще очень интересный пример образования прозвища, когда фамилия становится прозвищем и рассматривается только в этом смысле. Полковой киномеханик по фамилии Москаль имел прозвище «Москаль». Можно сказать, что его просто звали по фамилии. По фамилии называли очень редко и то по большей части старших по званию. Фамилию сослуживца называли только в официальных случаях, а так просто, в обыденных обстоятельствах только по имени или по прозвищу. Так вот у

Москаля фамилия равнялась прозвищу, к которому частенько добавляли слово «запорщик», так как Москаль был неважным киномехаником, и у него всегда что-то происходило, то лента рвалась, то лампочка перегорала. Я помню, как во время очередного срыва киносеанса полк в сотню глоток кричал, сотрясая стены клуба – «Москаль запорщик».

Дмитрий Маслов